Хранилище

Автор:
Оксана Кириллова

Хранилище

Оксана Игоревна Кириллова

Куда мы попадаем после смерти? Встретим ли мы там родных? Существуют ли рай и ад и всегда ли умершие попадают именно туда? Девятнадцатилетняя Кира нашла ответы на эти вопросы при жизни. Если это еще можно было назвать жизнью…

Хранилище

Оксана Игоревна Кириллова

© Оксана Игоревна Кириллова, 2017

ISBN 978-5-4485-0066-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Как же часто в последнее время приходится говорить о себе. Итак, еще раз. Меня зовут Кира. Я человек. Могла бы сказать «такой же, как все», но я активный сторонник индивидуализма, так что я еще один представитель

огромного сообщества «не таких как все».

Мне девятнадцать. Я люблю слушать музыку, люблю запах типографской краски….черт, нет… когда я научусь вместо «люблю» говорить «нравится»? Дурная привычка.

Мне с детства никогда ничего не «нравилось» – я все любила, никогда не «испытывала антипатии» – только «на дух не переносила». Я любила родителей. Любила рисовать мелками. Любила, когда в школе отменяли уроки. Ненавидела математику. Ненавидела надоедливого соседа по парте. Ненавидела холод.

Теперь мне все только «нравится». Или «вызывает антипатию». И то очень редко. В основном мне все безразлично. И вообще, я наполовину мертва. (Но это не страшно – мы все наполовину мертвы. Жизнь дает нам миллионы возможностей, а мы выбираем, как правило, один путь и шагаем по нему всю жизнь, стараясь зажмуриться и не смотреть по сторонам: другие дороги тоже довольно привлекательны, но зачем тянуться к журавлю в небе – лучше вперед, вперед, не отвлекаемся. Разве это можно назвать полноценной жизнью? Разве можно сказать, что ты съел весь йогурт, если ты только соскреб немного с краев банки? И можно ли считать, что ты в совершенстве овладел навыком игры в жизнь, если ты с начала до конца все время играл только одну роль – пусть даже блестяще, неподражаемо?)..

Так что, думаю, мне не стоит так уж комплексовать по поводу того, что я не вполне живой человек. На первый взгляд, я ничего от этого не теряю. Мне доступно все, как нормальным людям – я пью кофе, выхожу в интернет, слушаю слегка депрессивных Maroon 5 на полную громкость, смотрю в окно, «за бортом» сегодня солнечно, восемнадцать градусов, для осени хорошо, не забыть бы погладить новый пиджак – и все в таком духе. Вот только я ничего больше не чувствую. Ну, или почти не чувствую.

Началось все банально, в духе произведений Коэльо. Я решила умереть. Дальше вы знаете.

Завтра я расскажу эту историю еще нескольким незнакомцам. Незнакомцам, которые уже умерли.

Хранилище

Так вот, когда засыпала в ту ночь, я была полна самых противоречивых эмоций. Эмоции… вся моя жизнь строилась на них. Иногда это меня даже изумляло: откуда их столько во мне берется?? Смотрела на окружающих – люди как люди, спокойно идут себе и думают о чем-то, и только я у них на глазах сгораю заживо – когда от чего: то от ненависти к некстати образовавшейся пробке, то от всепоглощающей любви к герою свежепрочитанной книги, то от тоски по ушедшему лету.

Вот и в тот день меня раздирало изнутри все и сразу – по несчастному стечению обстоятельств, все эмоции были негативными. Я ненавидела родителей, утверждавших, что мне нет дела до семейных дел (в данном случае имелась в виду, кажется, гора немытой посуды). Ненавидела подругу, которая не принесла мне нужный конспект – без него я не смогла сдать в срок задание, и теперь мне не светил экзамен «автоматом». Ненавидела одного парня, с которым еще вчера все шло очень хорошо, а сегодня он даже не позвонил. И наверняка еще что-то ненавидела – этого сейчас уже не вспомнишь. В общем, все сложилось одно к одному, картина складывалась неутешительная: с родителями мне не повезло, подруге на меня плевать (она даже не извинилась, кстати), тому парню я ни капли не нравлюсь (а я уже настроилась на то, что наш роман затмит все голливудские истории любви разом). И вывод – я самая несчастная девушка на свете, я хочу умереть.

Да, я презирала весь мир с такой силой, будто не собиралась назавтра, как всегда, полюбить его вновь. Но когда я проснулась утром (после Хранилища), мне уже не было дела ни до чего.

Пустота поначалу показалась мне блаженной. Потом – немного странной. А потом… потом я почти привыкла.

Правда, не привыкли родные. Отвели меня к психологу за ручку – я в общем-то и не сопротивлялась, зачем. И вот солидного вида дама с приторно-добрым взглядом, с каким обычно протягивают конфетку ребенку, задает мне вопросы. Я безропотно отвечаю. Да, возможно, я испытывала чересчур сильные эмоции в последнее время перед… тем, что произошло. Стресс для организма? Да нет, я уверена, для него это было совершенно обычным делом. Депрессия? Не думаю. Я

просто наполовину умерла.

Это не метафора, нет. Я побывала на том свете. (На лице дамы появляется смесь терпеливой снисходительности с состраданием). Нет, это был не сон. Что видела? Ладно, расскажу, если хотите. Там была моя родственница, двоюродная тетка. Встретила меня с распростертыми объятиями прямо у ворот, а я отшатнулась, потому что понятия не имела, кто она – бедняжка умерла от рака, когда мне едва исполнилось три. А еще потому что от нее несло духами – так, будто она даже не вылила на себя флакон, а, по меньшей мере, искупалась в ванне, наполненной этими духами. Я спросила, кто она, чувствуя при этом странное умиротворение. Она мне представилась.

Глафира. Мама о ней рассказывала. Правда, фотографий я никогда не видела – тетя ненавидела фотографироваться. Впрочем, я понимаю, почему.
Не представляю ракурс, в котором она выглядела бы выгодно – мужеподобная, невероятно тучная, с двойным подбородком и огромным крючковатым носом… Я отметила, что походка у нее все равно легкая, воздушная… Как такое возможно?

Ответ пришел быстро: стоило мне шагнуть за ворота, я тоже буквально взлетела – вмиг почувствовала себя пушинкой, хотя грациозностью никогда не отличалась. Но там – там все так ходят.

Кстати, я маму спросила наутро, как выглядела тетя Глафира, и она, удивившись, тут же описала ее в точности такой, какой я ее видела – до мельчайших подробностей. И духи эти очень точно описала – сладкий запах чего-то цветочно-пряничного – Глафира была от них без ума.

Нет, раньше я об ее внешности ничего не слышала – только знала, что у меня была такая родственница и что фотографий не сохранилось. И вот что еще я вам скажу. Разочарую, наверное. Я побывала не в раю и не в аду, даже не в чистилище. Тетя очень смеялась, когда я спросила, в раю ли мы. Оказывается, в рай отправляются только праведники. А в ад – только люди, совершившие тяжкие преступления: убийство и самоубийство. Что там в чистилище – не знаю, не спросила, очевидно, как и принято считать, промежуточный пункт. А основная масса умерших обитает в Хранилище.

Там не хорошо и не плохо. Почти что никак. Умиротворение. Души там в тепле и комфорте дожидаются, пока их снова заберут на Землю, вселив в чье-нибудь

тело. А пока этого не случилось, они живут так же, как мы. Едят, болтают, судачат о том, правда ли так уж хорошо в раю (более близкий нам вариант – «на кой черт нам сдались эти Кипры, если в деревне Поросячье тоже есть где искупаться и позагорать» или «богачам, должно быть, дико скучно жить, имея все, что только можно пожелать»).

Мы с Глафирой и еще какой-то женщиной, умершей лет пять назад от старости, умяли, сидя за красным пластиковым столиком, целый арбуз, из-за которого я утром на Земле отказалась от завтрака. Мы даже не успели попрощаться – так внезапно меня «перенесло» обратно на Землю. Но, как выяснилось, только до следующей ночи. Тогда Глафира и объяснила мне, что я не совсем умерла, так что каждое утро мне придется возвращаться туда, откуда я пришла… а ночью – опять в Хранилище. И, возможно, так мне теперь мотаться до конца жизни, потому что я застряла между двумя мирами…

В этом месте психолог поджимает губы и сухо, но по-прежнему терпеливо заявляет, что у меня хорошо развита фантазия. Чтобы она успокоилась, я говорю, что все придумала. Она облегченно вздыхает и укоряет за то, что я недостаточно серьезно отнеслась к походу к ней, ведь она и вправду могла бы помочь мне «справиться со стрессом». Я утверждаю, что верю ей на слово, и мы расстаемся друзьями.

Сеанс «дружбы», судя по оставленному мамой в коридоре чеку, стоит как две мои стипендии. Психолог назначает новую встречу, я не являюсь, но продолжаю рассказывать эту историю бесплатно каждую ночь. В Хранилище так принято.

«Ты говорила с Богом?»

Ах, да. Я, конечно, поинтересовалась у Глафиры, встречала ли она Пушкина, Наполеона, Юлия Цезаря – хоть кого-нибудь. Вряд ли они все попали в рай и ад. Тетя усмехнулась и ответила вопросом на вопрос:

– А ты никогда не сталкивалась на улице с Ричардом Гиром? Странно, вы ведь живете на одной планете.

– С кем ты здесь общаешься?

– Ты же сама видишь. Со всеми, кто попадается. Тут ни у кого нет своего места: сегодня ты здесь, завтра там… заснул в одном месте, проснуться можешь в другом – и, знаешь, особой разницы нет, везде все одинаковое. Проблема только в том, что найти здесь кого-то невозможно. Я бабушку-то свою в последний раз видела в день собственной смерти, когда она пришла к воротам меня встречать. Помню ощущение невесомости, когда я, держа ее за руку, шагнула за ворота и вдруг оказалась посреди зеленого луга… мы сели прямо на траву, и перед нами как по мановению волшебной палочки стали возникать блюда одно за другим. Удивления я не испытывала – я уже говорила, сильные эмоции в Хранилище начисто убиваются, – но наблюдала за этим с любопытством. Бабушка ласково спросила, что бы я хотела съесть, и я только я подумала об овощном салате, как он вырос передо мной прямо из-под земли. Мы ели, долго болтали, вспоминали прошлое, а потом я уснула… и, проснувшись, обнаружила, что все так же лежу на мягкой траве, но рядом со мной переговариваются совсем другие люди. Я, правда, восприняла это как должное, но хотелось бы еще хоть раз увидеть родных…

– Тебя встречала только бабушка? А остальные? – осведомилась я, поглощая уже вторую порцию мороженого.

– Еще мама была. А остальные не пришли. Видимо, я их не интересую, – без особой грусти заявила Глафира, и перед нами прямо из воздуха возник «заказанный» тетей абрикос.

– Все время хочу фруктов, – пояснила она, с жадностью набрасываясь на него.

– Вот бы и на Земле так: подумал о еде – и вот пожалуйста, – в который уже раз машинально позавидовала я.

– Одна из немногих привилегий Хранилища. Откровенно говоря, тут больше нечего делать, кроме как есть и болтать. И погода здесь комфортная – вроде как нежаркое и недождливое лето.

– Я, хм, заметила. А нас вы отсюда не видите?

– Какие замечательные вопросы ты задаешь. Оглядись вокруг, посмотри вниз – ты что-нибудь видишь? Может, своих спящих родителей?

– Нет… только земля и трава. Тупой вопрос, – согласилась я. – Но как тогда вы узнаете, что кто-то из нас к вам присоединился?

– Это ощущение ни с чем не спутаешь. Знаешь, эмоций-то мы, по большей части, не испытываем – на душе все время спокойно и тихо. А тут – как будто толчок какой-то вот здесь. – Она приложила руку к груди слева. – И образ того человека (родственника, друга, любимого) перед глазами встает… Передо мной возникла «картинка»: ты в детской кроватке с плюшевым медведем. Теперь этот образ возникает каждый раз, когда ты возвращаешься…

– С тех пор я несколько изменилась, – не могла не отметить я.

– …но картинка была такой расплывчатой, что я мгновенно поняла, в чем дело: ты умерла не до конца. Мне рассказывали, что такое редко, но случается, и тогда образ предстает нечеткий. Так бывает, когда у человека клиническая смерть. Знакомая говорила, что как раз после расплывчатого «видения» встречала у ворот свою дочь и едва успела поздороваться, как та опять исчезла. Видимо, откачали.

– Видимо? То есть вы вообще не представляете, что там с нами происходит? – спросила я.

– Иногда нам снятся сны о вас, – отозвалась Глафира, расправившись наконец с абрикосом. – Ты мне, кстати, часто снилась. Поэтому я легко тебя узнала. Мне очень захотелось тебя увидеть. Поэтому я закрыла глаза и вмиг переместилась прямо к воротам.

– Могла бы и не перемещаться?

– Конечно. Многие попросту игнорируют «призыв», если не особенно хотят встречаться с родственником. Или, к примеру, не знали его при жизни и почти не видели во сне, так что не чувствуют никакой необходимости… в конце концов, встречать или нет – наш выбор.

– Очевидно, увидеть меня необходимости не возникло больше ни у кого, – обреченно заметила я, а потом Глафира до утра «травила байки» на эту тему.

Одна ее здешняя знакомая приходила к воротам за своей первой любовью и обнаружила, что умершего также встречает его отец. При жизни они с ней недолюбливали друг друга: именно из-за него когда-то не состоялась свадьба влюбленных. Теперь эмоции, разумеется, свелись к нулю, и знакомая Глафиры охотно пообщалась бы с отцом любимого, если бы только могла на него смотреть: от его фигуры исходило такое нестерпимое сияние, что она буквально была не в силах поднять на него глаза. Выяснилось, что он попал в рай – знакомая Глафиры до сих пор не понимает, за какие такие заслуги. Приход сына он все же почувствовал и ненадолго переместился к Хранилищу, чтобы повидаться с ним.

– Наверняка скоро утро – надо заранее попрощаться, а то опять не успеем, – заметила я после пары-тройки подобных историй. – Завтра еще поболтаем. Наверное, есть свои плюсы в том, что я каждый день появляюсь у ворот заново: я, похоже, единственная, кого ты видишь постоянно.

– Да, и этому я рада, – сообщила Глафира. – Правда, ты всегда так резко исчезаешь… Когда это случилось в первый раз, я уж подумала, что ты больше не вернешься – как дочь той моей знакомой. Но когда твой образ опять «вызвал» меня к воротам, я поняла, что это не клиническая, а эмоциональная смерть – так было у одного моего…

– Послушай, – перебила я: времени оставалось действительно мало, а это меня интересовало – настолько, насколько что-то может интересовать лишенного эмоций человека. – Ты все через знакомых узнаешь… а с Богом не разговаривала?

Уже задав вопрос, я подумала, что знаю ответ. Люди сидят на траве и от скуки целыми днями едят. Землян не видят, болтают с кем придется. И такова участь большинства. Разве похоже, что Бог тут хоть во что-то вмешивается?

– Он у нас не бывает, – покачала головой Глафира. – Может, в рай заглядывает, а у нас-то Ему что делать… и, видимо, это Он решает, кого куда определить… но точно ничего сказать не могу.

А есть ли Он вообще? Неужели мы даже после смерти об этом не узнаем? С такой мыслью я проснулась (скорее, очнулась) в своей постели.

Я встала с кровати и лениво потянулась; во рту остался привкус мороженого и уже в ванной, подойдя к зеркалу, я обнаружила, что испачкала себе пломбиром пол-лица: к несчастью, он быстро таял и начинал течь. На всякий случай: вне Хранилища я в последний раз питалась мороженым месяц назад, а никак не накануне перед сном.

Два совершенно разных мира… но для меня они слились воедино. Что здесь, что там – покой. Никакой динамики – все застывшее, статичное. Ничего не происходит. Разве что погода там лучше…

… – А спиртное там можно заказать? – деловито спрашивает Лика, моя подружка.

Для нее я новоиспеченный писатель, неожиданно решивший сочинить байку о загробном мире.

– Нет. То есть может и да, но в этом не будет большого смысла. Там невозможно запьянеть, – объясняю я, параллельно заканчивая переписывать себе ее лекцию.

Хотя толку от моей добросовестности теперь мало – «автомат» мне уже не светит. Из-за Лики, между прочим. Ну и ладно. Заняться больше особенно нечем.

– Как странно. А… – Она понижает голос до шепота, потому что входит преподаватель. – А секс?

– Вот уж что им там точно как рыбке зонтик. Род-то продолжать незачем, потому и инстинкты притупились. Из-за этого многие обитатели Хранилища жалеют о том, что при жизни уделяли этой сфере много внимания и совершали всевозможные ошибки. Теперь-то им это кажется неважным и смешным. Им уже не понять самих себя.

– Что же им кажется важным?

– По большому счету… ничего.

Вот Лика удивится, когда узнает, что это вовсе не вымысел. Надеюсь, это будет очень нескоро. Да вряд ли мы там встретимся, чтобы это обсудить.

– А что они делают с утра до ночи? – продолжала любопытствовать она.

– Ну, начнем с того, что утра и ночи у них просто нет – всегда белый день. Ясно, без осадков, температура где-то плюс двадцать пять, легкий теплый ветер, – бесстрастно сообщила я. – А что они делают…

Я успела произнести «едят», прежде чем преподаватель сделал нам замечание.

«И не толстеют??» – написала подруга на полях моей тетради.

Раньше я бы на такое разозлилась. Теперь только зачеркнула ее вопрос синей ручкой и подписала рядом: «Нет».

– Вот это супер! Твори дальше, потом обязательно дашь почитать, – прочирикала Лика мне на ухо.

Отсутствие необходимости в бесконечных диетах, с которых моя анорексичная подруга не слезала лет с тринадцати, реабилитировало Хранилище в ее глазах. Даже несмотря на то, что там обесценивались «основные блага» человечества (а без описания секса и алкогольных вечеринок любая книга теряет всю прелесть и, соответственно, половину читательской аудитории).

Так считает большинство. Да плевать. Какая мне разница.

Иногда приятно осознавать, что я никогда не буду волноваться из-за чего-то до дрожи в коленях. Никогда не буду ни по кому тосковать. Вряд ли заплачу от обиды (раньше со мной это частенько случалось). Вот только привычный лексикон… никак не могу выбросить из него эти слова… а пора бы… сколько бы я их ни вычеркивала, они опять появляются…

…«

»…

…«

»…

«Мечта»

Однажды мне не захотелось возвращаться домой. Не то чтобы меня так уж прельщало Хранилище, просто там я чувствовала себя более… уместно, что ли.

– Скажите, а я могу остаться совсем? – спросила я.

Парень, обгладывавший куриную ножку, вытер руки об невесть откуда появившуюся салфетку и отозвался:

– Тебе здесь пока не место.

Со временем я начала общаться не только с Глафирой, но и с ее соседями (не знаю, как еще выразиться, хотя сразу возникают ассоциации с коммунальной квартирой). Чужих историй жизни я наслушалась на сто лет вперед. Рассказывать свою со временем поднадоело, но пресловутая вежливость требовала ответить хоть парой фраз на часовые излияния.

Я открыла для себя еще одно неоспоримое достоинство Хранилища: появляясь за воротами, люди автоматически «стирали» языковые барьеры между собой и другими. Ума не дам, как так получилось: возможно, я и сама не подозревала, что лопочу на каком-нибудь едином для всех «загробном» языке. Моими собеседниками часто оказывались иностранцы, никогда русского не знавшие – тем не менее, мы друг друга прекрасно понимали. Я осознавала это, только оказавшись снова на Земле, и обещала себе в следующий раз заметить, на каком языке там разговариваю я и со мной, но, попадая Туда, тут же забывала об этом. Видимо, не случайно – всех тайн мне знать пока не нужно.

Любителя курицы звали, кажется, Боб. Полтора года назад бедняга здорово отравился чем-то в своей Америке – собственно, до такой степени, что родную страну пришлось покинуть навсегда. Планету – тоже. Боба почему-то до смерти интересовало, какую из его фотографий родители выбрали для памятника, и он каждый день надеялся увидеть это во сне, но пока тщетно. Зато ему приснилось, что его сорокачетырехлетняя мать беременна и оставляет ребенка. На днях она должна родить мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kirillova_oksana/hranilische

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити